

6. Добролюбов Н. А. Основные законы воспитания. Вкратце изложил для семейства и школы Н. А. Миллер-Красовский // Чернышевский Н. Г., Добролюбов Н. А. Избранные педагогические высказывания / Сост. канд. пед. наук Н. И. Разумовский. М.; Л.: Изд-во АПН РСФСР, 1949.

7. Добролюбов Н. А. О значении авторитета в воспитании. Мысли по поводу «Вопросов жизни» г. Пирогова // Там же.

8. Добролюбов Н. А. Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами // Там же.

9. Чернышевский Н. Г. «Ясная Поляна». Школа «Ясная Поляна». Книжки для детей // Избранные педагогические произведения. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1953.

10. Чернышевский Н. Г. Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории // Там же.

К. А. РЯПАСОВА (Свердловск)

А. С. МАКАРЕНКО О СОЗНАТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

Понятие дисциплины входит в педагогическую концепцию Макаренко содержательным и структурным элементом. Сущность понятия, его социальный и педагогический смысл раскрываются только во взаимосвязи с такими категориями, как коллектив и личность, и прежде всего в ходе анализа целостного явления, каким была система воспитания в учреждениях, возглавляемых Макаренко. То, что мы называем системой воспитания и концепцией Макаренко, он сам определял как опыт, а некоторые выводы из него — как коррективы к педагогической теории (8, с. 201—205). Возможность теоретического обобщения он видел в «индукции цельного опыта», в «сравнении цельных комплексов опыта» (1, с. 13).

История советской школы и педагогики подтвердила правоту Макаренко и обоснованность его опасений: многое из опыта замечательных детских коллективов 20—30-х гг. вошло в практику советской школы, но многое утрачено, потому что не вошло в типовую схему организации воспитательной работы. Это относится и к опыту самого Макаренко, авторитет которого в то же время неоспорим как в области практики, так и в развитии педагогической теории. Разрушая органическую цельность системы, «вытаскивая» из нее отдельные узлы и детали (отдельные принципы, методы, учение о закономерностях развития коллектива и др.) в качестве патентованного средства для решения воспитательных задач, трудно рассчитывать на успех. Именно поэтому сейчас необходимо вернуться к понятию дисциплины в контексте педагогической системы Макаренко.

Принять сегодня его точку зрения на дисциплину значит понять потребность качественно изменить функции самоуправления в школе, обогатить новым содержанием деятельность всего школьного коллектива. Ответом на многие вопросы и

полемические высказывания в связи с реформой школы служат слова Макаренко, в которых подытожен многолетний опыт: «Мы даем детскому или юношескому коллективу школу, рабфак, завод, инженерплан, промфинплан, зарплату, обязанности, работу и право ответственности. А это значит — даем дисциплину» (2, с. 21). Однако и к этому выводу нельзя свести ни проблему дисциплины, ни опыт Макаренко, потому что соединение обучения с производительным трудом учащихся должно быть обеспечено педагогическим руководством и развитыми функциями самоуправления.

Детский или юношеский коллектив отличается возрастными особенностями, ему присущ неумемный интерес к жизни. Это Макаренко тонко чувствовал и находил удивительно органичные формы для развития и коллектива, и личности. Через осмысление педагогического, а не только социального и экономического значения дисциплины становится понятной формула Макаренко «дисциплина — форма жизни коллектива».

В работах Макаренко раскрывается социально-педагогическая сущность принципа и форм взаимоотношений государства, коллектива, личности. При социализме этот принцип должен носить всеобщий характер, чтобы отвечать не только потребностям общества, построенного на коллективистских началах, но и «устремлениям нашей общественной жизни». От требований дисциплины, которая выступает в качестве нормы социального поведения, не может быть никто свободен — равно воспитатель и воспитанник. Однако Макаренко никогда не связывал понятие дисциплины с формальными требованиями, с муштрой, с военизацией школьной жизни, а считал дисциплинированность органичной чертой личности социалистического типа, «самочувствием граждан Советского Союза» (5, с. 85).

У советского человека это «самочувствие» укрепляется всем строем жизни, пониманием значения своего труда в общем деле социалистического строительства. В то же время определяться только сознанием дисциплины не может, так же как не может быть простым следствием требования. По глубокому убеждению Макаренко, дисциплина в качестве общей нормы социального поведения — явление и политическое, и нравственное. Поэтому дисциплину в нашем обществе, дисциплинированность его членов необходимо рассматривать как результат общих воспитательных усилий школы, производства, пионерской и комсомольской организаций, армии, партии. Это положение не только неоспоримо, выверено историческим опытом советского народа, но и не стало менее актуальным.

В выступлениях и статьях А. С. Макаренко следует логике марксизма, выявившего социальную, классовую природу личности, ее позицию по отношению к обществу и государству. Осознает человек до конца это свое отношение или нет, его поведение имеет политический смысл, так как укрепляет или

расшатывает общественные связи. В социалистическом обществе индивид выступает членом коллектива и членом социалистической кооперации в целом, поэтому политический смысл его поведения связан с трудовым или деловым участием в социалистическом строительстве. Макаренко не сомневается в праве каждого коллектива потребовать от личности определенного взноса в общую трудовую или жизненную копилку, но не абсолютизирует право и волю коллектива, подчеркивая, что далеко не каждый коллектив способен верно определить свое отношение к личности, к общему делу. Воспитывая личность, необходимо воздействовать организационно, идеологически на весь коллектив.

Один из путей такого воздействия — прямое разъяснение политического значения дисциплины, особенно в органах самоуправления и на общих собраниях. Каждого воспитанника следует убедить, что «дисциплина необходима коллективу для того, чтобы он лучше и быстрее достигал своих целей» (8, с. 200). Значит, цель должна быть ясна, определена так же, как и пути ее достижения.

Деятельность учреждений Макаренко доказала преимущество производства государственного масштаба, организованного по последнему слову техники, в воспитании в целом, в формировании дисциплинированности в особенности. Развивался интерес к учению, особые склонности и способности и, что наиболее важно, организаторские навыки, необходимые, по мнению Макаренко, каждому советскому человеку. Таким образом, социальные и политические истоки дисциплины и статус детского, юношеского коллектива в нашем обществе определяют принципиально новое содержание понятия дисциплины и педагогические условия воспитания дисциплинированности на основе движения к ясно поставленной цели: школа — производство — самоуправление.

Выявляя связи понятия дисциплины с отношением личности к труду, коллективу, обществу, Макаренко утверждает, что дисциплина — явление нравственное, затрагивающее проблемы чести, долга, деловитости, честности.

Нормы морали всегда определяли поведение человека, его отношение к государственным учреждениям и административным лицам. В общественной практике они выражаются в исполнительности или в актах неповиновения. Дисциплинированность эксплуататорского общества во все времена держалась на психологии покорности, тупого повиновения, равнодушного исполнительства — на торможении личности, по выражению Макаренко, на нейтрализации ее сознания. Нормы морали всегда сопровождались запретами: не воруй, не ленись, не смей и т. п.

«Наша честность всегда должна быть активным требованием к себе и к другим: хочу и требую от себя и от других полного внимания к общим интересам, полного рабочего времени, пол-

ной способности отвечать за свое дело, полного развития сил, полного знания, хочу и требую наиболее совершенных, наиболее правильных действий», — писал Макаренко (6, с. 106). Сильнейшим нравственным стимулом такой личности является особое требование личности к себе, выражающее ее осознанное отношение к коллективу, понятие о долге и чести. И тем более, когда человек, особенно молодой, может гордиться своим коллективом.

Как видим, понятие «дисциплина» в концепции Макаренко приобретает связи с социально-педагогическими и нравственными категориями, развивается и переходит в понятие «самовоспитание», в программу становления характера. Еще раз подчеркнем что это не самосовершенствование, не изоляция личности в сфере нравственных проблем и переживаний, Макаренко видел перед собой реальную цель: «Мы должны выпускать из наших школ энергичных и идейных членов социалистического общества, способных без колебаний, всегда, в каждый момент своей жизни найти правильный критерий для личного поступка, способных в то же время требовать и от других правильного поведения» (3, с. 39). Для этого детскому коллективу и каждой личности необходим опыт общественного поведения, опыт оценки собственного поведения и поведения товарищей. Опыт дает личности доказательство справедливости требований к себе и другим, вырабатывает социалистический гуманизм отношений.

Процесс воспитания, и в особенности процесс дисциплинирования, Макаренко рассматривает как организацию целенаправленного и богатого социальными отношениями опыта детского, юношеского коллектива. Макаренко дает прекрасную формулу сознательной дисциплины советского человека: «Дисциплина движения вперед и преодоления препятствий, в особенности таких препятствий, которые заключаются в людях» (3, с. 39—40). Последнее замечание возвращает нас к настойчивому совету педагога вести этическое просвещение в школе, находить способы разъяснять сущность коммунистической морали. Аксиомы этики должны воплощаться в практику общественного поведения нашей молодежи, приобретая массовый характер.

Отрицал ли Макаренко полностью такую функцию дисциплины, как торможение? Разумеется, нет — это обратная сторона «дисциплины движения вперед». Таким торможением является, в частности, ограничение индивидуалистических запросов личности: «Мы... протестуем против воспитания деятельностью, построенной только на «интересности» (2, с. 23), в ущерб долгу, классовым, государственным интересам.

Формой торможения личности служат и наказание. Вопрос о наказании в советских детских учреждениях был и остается самым трудным как в педагогической теории, так и в практике. Макаренко писал: «Наказание — это не только право (педагога, руководителя детского учреждения.— К. Р.), но и обязан-

ность в тех случаях, когда наказание необходимо» (11, с. 303).

Как и все основные педагогические понятия, понятие наказания переосмыслено Макаренко с точки зрения коммунистической морали в целом и в соответствии с одним из ведущих принципов коммунистического воспитания, им же сформулированным: как можно больше требований к личности, как можно больше уважения к ней. Наказание обращено к сознанию личности, интересы, поступки которой вступают в противоречие с коллективными целями, деятельностью, принципами поведения. Чтобы оно служило воспитанию, «наказанный должен точно знать, за что он наказывается, и понимать смысл наказания», — считал А. С. Макаренко (9, с. 207).

Смысл наказания состоит в отрешении от коллектива, хотя бы и минимального, поэтому чрезвычайно важна сама процедура, форма коллективного реагирования. Право наказывать принадлежит и органам самоуправления, но, замечает Макаренко, руководитель учреждения всегда несет за это ответственность. Так, в колонии Макаренко серьезные проступки обсуждались на совете командиров, на общем собрании, но многие вопросы дисциплины решались на основе общего понимания по логике естественных последствий с «арифметической точностью»: «...за опоздание на производство — лишение права работать на производстве на определенный срок, за плохую работу — дополнительная работа, за неряшливость — дополнительная работа по уборке, за неподчинение командиру или бригадиру и вызывающее поведение в отряде — перевод к самому строгому командиру» (9, с. 210).

Разумное наказание «должно разрешить и уничтожить отдельный конфликт и не создавать новых конфликтов» (11, с. 303), а мера и логика наказания определяются уровнем развития и личности, и коллектива.

Дисциплина как форма жизни коллектива и процесс дисциплинирования всегда конкретны. Позиция индивида по отношению к коллективу во многом, если не во всем, зависит от уровня этической зрелости коллектива. Проблема дисциплины не может не затрагивать и проблемы нравственного и гражданского самосознания воспитателя-практика и педагога-теоретика.

Чтобы коллектив выступал по отношению к личности как авторитетный орган — носитель единого общественного мнения, он должен пройти определенный путь развития, подняться до осознания коллективных интересов. По мнению Макаренко, в коллективе «личность выступает в новой позиции воспитания — она не объект воспитательного влияния, а его носитель — субъект, но субъектом она становится, только выражая интересы всего коллектива» (2, с. 23).

Шестнадцатилетний опыт воспитательной работы приводит Макаренко к выводу, что дисциплина не может быть методом,

условием благополучной работы — это ее итог: «Все, что есть в коллективе, в конечном счете принимает форму дисциплины» (5, с. 85).

Результатом воспитания должна быть дисциплина каждого советского человека и коллектива, способных и к точному исполнению требований общества, и к активной борьбе за его идеалы, за осуществление стоящих перед ним задач. Макаренко вносит в общественное сознание представление о диалектике нового социального типа личности. Выработанная им программа человеческого характера при всей ее обобщенности поражает цельностью и жизненностью: «Мы желаем воспитать культурного советского рабочего. <...>... он должен ощущать достоинство свое и своего класса и гордиться им, он должен ощущать свои обязательства перед классом. Он должен уметь подчиниться товарищу и должен уметь приказывать товарищу. Он должен уметь быть вежливым, суровым, добрым и беспощадным — в зависимости от условий его жизни и борьбы. Он должен быть активным организатором. Он должен быть настойчив и закален, он должен владеть собой и влиять на других; если его накажет коллектив, он должен уважать и коллектив и наказание. Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастливым. И таким он должен быть не только в будущем, но и в каждый свой нынешний день» (2, с. 18).

Такая обобщенная, но не абстрактная программа нужна, чтобы развернуть методику воспитательной работы, перейти от разговоров об идеале всесторонне развитой личности к педагогической технике, к практике коммунистического воспитания. Молодежь, воспитанная Макаренко, стала живым воплощением этой программы.

Известно, что сознание и поведение находятся порой в противоречии, поэтому дисциплина не может определяться только сознанием, она должна «сопровождаться сознанием», то есть полным пониманием ее политического смысла в общем и частном. Однако такое понимание предполагает и готовность, и способность выполнить необходимое действие, необходимую работу даже в том случае, когда не установлен надзор. Следует выработать привычку поступать правильно для себя, для идеи, ради принципа, то есть прежде всего ради общего дела. Воспитание таких привычек более трудный и длительный процесс, считал Макаренко, чем воспитание сознания. Растущему человеку нужен опыт преодоления себя, сосредоточенности на главном. Коллективная деятельность своими организованными формами помогает каждому выработать определенную группу привычек, особенно привычки преодолевать длительные трудности. Макаренко резко, но справедливо замечал: если вы не воспитали таких привычек, вы ничего не воспитали. Процесс дисциплинирования охватывает все стороны жизни детского коллек-

тива — от организации обучения и политического просвещения до уборки помещения и разрешения конфликтов.

Дисциплинированность закладывается уже в структуре коллектива, которая ставит личность в позицию динамическую, внешне противоречивую: быть организатором, уполномоченным лицом коллектива и лицом, безукоризненно выполняющим свои повседневные обязанности и приказы своих товарищей. В коммуне имени Ф. Э. Дзержинского каждый имел ответственное поручение, мог представлять свой отряд в общественных органах учреждений и в то же время должен был подчиняться нескольким лицам: руководителю учреждения, дежурному командиру, командиру отряда, бригадир на производстве и т. п. Одновременно через систему сводных отрядов (временных объединений, создававшихся по мере хозяйственной надобности и для решения эпизодических заданий, а также по интересам) всякий мог проявить инициативу, смекалку, выдумку, выступая в роли временного командира или уполномоченного лица. Было заведено: поручалось дело, контролировалось выполнение и никогда при этом не оговаривалось, каким образом его выполнить.

Кроме того, учебно-воспитательное учреждение должно, по убеждению Макаренко, удовлетворять различные детские интересы и запросы через кружки, спортивные соревнования, праздники, массовые игры, через различные формы самодельности. Такому учреждению нужен богатый, насыщенный живым, интересным делом быт. В коммуне имени Ф. Э. Дзержинского была, к примеру, «свободная мастерская» со всем слесарным и токарным инструментом, где каждый мог делать все, что ему хотелось, из дерева или металла.

Макаренко раскрывает сущность понятия «режим» в диалектике функциональных признаков. Педагогическая аксиома: режим — «это кодекс некоторых обязательных положений, которые нужны для удобства, для порядка, для какого-то... чисто внешнего благополучия...» (11, с. 282), то есть такая форма общегития, которая гарантирует слаженность коллективного труда и быта. Педагогическая цель режима — формирование навыков исполнительности, умения подчиняться.

Режимные требования заставляют преодолевать «препятствия собственного характера» и вырабатывают привычку к организованной жизни. Однако если сила внутреннего сопротивления достаточно велика, а необходимость режима до конца не осознана, привычка к регулярности быстро разрушается при отсутствии контроля. Макаренко требовал строгого соблюдения режима и придавал особое значение обоснованности, определенности режима. Первым признаком правильности режима он называет целесообразность, которая должна отражать опыт коллектива. Здесь как раз выявляется связь режима — средства воспитания — со всей системой деятельности коллектива: все

формы режима должны быть обсуждены на общем собрании, «логика режима должна проверяться, однако не в момент выполнения, а в момент постановления» (8, с. 203), после никаких возражений и никаких постановлений не допускается.

Точное соблюдение режима дня и единых правил рождает уважение к порядку, а значит, и к самому учреждению. Такое отношение будет укрепляться, если руководитель учреждения и актив в первую очередь подчиняются режиму и несут ответственность за его нарушение. Перед нами одно из частных проявлений демократизма, к которому так чуток детский коллектив.

Органы самоуправления вырабатывают правила самоуправления: «довести до последней определенности многие мелочи режима: кто должен вставать раньше всех, кто должен производить уборку, куда девать ведро после уборки... кто следит за культурным внешним видом... кто имеет право распоряжаться сигналами и звонками...» (8, с. 204) и т. д. Такая регламентация школьной жизни, коллективного быта намного облегчала хозяйственную деятельность, делала коллектив мобильным, способным ставить серьезные вопросы и быстро их решать, так как не возникало внезапных трений, споров, нервозности по пустякам.

Стоит подумать над словами Макаренко: «В методике режима во многих учреждениях бояться быть последовательными сами руководители» (8, с. 204), то есть бояться сделать требования режима обязательными абсолютно для всех и допускают нарушения и отклонения от режима по причинам и не очень важным, тем более не наказывают за нарушение общего распорядка. У Макаренко другая точка зрения: «Школа должна с первого же дня предъявлять к ученику твердые, непререкаемые требования советского общества, вооружать ребенка нормами поведения, чтобы он знал, что можно и чего нельзя, что похвально и что наказуемо» (4, с. 46). Необходимость и выгодность режима для каждой личности следует разъяснять, особенно такие ее «теоремы», как защищенность личности средствами режима — полную уверенность в правильности своего поведения, знание прав и обязанностей, следовательно, полной ориентировки в действиях.

Это одна из сложных этических проблем, к которой Макаренко не раз обращался, доказывая, что отсутствие строгого режима, закрепленных традициями форм отношений внутри коллектива ведет к анархизму, к кулачному праву, к самым уродливым проявлениям зависимости, не всегда открытой и тем более опасной. Поэтому в его работах часто рядом со словом «дисциплина» стоит слово «свобода», утверждается реальная форма свободы личности внутри коллектива.

Преимущества положения личности, защищенной правом порядком, становились очевидными для вновь прибывших воспитанников в самое короткое время. Однако учить пользоваться

дисциплиной как свободой для развития собственной личности нужно было постоянно и в самых различных обстоятельствах. Режим должен обернуться для личности школой самовоспитания, чтобы затем дисциплинированность стала чертой характера.

Возвращаясь к определению дисциплины как способности преодолевать трудности, к той способности, которая формируется не только под контролем сознания, мы находим у Макаренко обширный материал, касающийся методов педагогической работы. Это прежде всего упражнение, специальный метод, использование которого выходит за пределы повседневной практики в самых разных областях деятельности, например:

— поручение отдельной бригаде, классу, отряду или отдельной группе неожиданной дополнительной работы только с указанием срока и нормы (при необходимости с обсуждением дисциплины, проявленной группой);

— общий сбор с целью проверить быстроту явки всего коллектива;

— проверочный сбор в момент какого-нибудь развлечения или обеда, во время киносеанса или футбольного матча;

— пожарная тревога;

— ежедневная зарядка при любой погоде, с самым быстрым сбором всех участвующих;

— поручение более или менее неприятной работы как особое дисциплинарное доверие лучшим отрядам, бригадам и т. д.

Следуя аксиоме требование — воспитание привычки, Макаренко прокладывает путь к формированию таких форм поведения личности, которые требуют инициативы, ориентировки, выдержки, смелости, — «Упражнение в преодолении себя рождает характер» (8, с. 201—202). По умению организовать, сделать привлекательными упражнения, способствующие выработке характера, трудно кого-либо поставить рядом с Макаренко. Однако такие упражнения «срабатывают» в коллективе, достаточно развитом, чувствующем красоту дисциплины высокого порядка. Это не означает, что нельзя вводить подобные упражнения в «несозревший» коллектив. Необходимо искать приемлемые формы, рассчитанные прежде всего на актив, а нравственное влияние на весь коллектив, безусловно, будет положительным.

Исполнительность воспитывается реальностью самоуправления, пониманием ценности коллективных форм жизни, прямой ответственностью за результаты своего труда на производстве и в хозяйстве коммуны, общим стилем и тоном поведения — всей системой хорошо отлаженного социального организма, каким были учреждения Макаренко. В их деятельности находили себе место, казалось бы, противоположные оттенки отношения: ритуалы и традиции, в которых высвечивалась увлекательность общей игры, и жесткие требования коллектива, если кто-либо

идет вразрез с его общими интересами,— разные грани единой воли, единой устремленности к общей цели, к здоровой, радостной, честной, а потому и счастливой жизни.

Вполне реальной воспитательной силой Макаренко считал общественное мнение коллектива, но при этом всегда подчеркивал, что во главе правильно организованного коллектива должен стоять педагог-руководитель, являющийся воспитательным центром по отношению к коллективу в целом и к каждому ученику.

1. Макаренко А. С. Дисциплина и режим // Избр. пед. соч.: В 2 т. / Сост. Л. Ю. Гордин. Т. 1. М.: Педагогика, 1977.
2. *Его же.* Из статьи «О коммунистической этике» // Там же.
3. *Его же.* Коммунистическое воспитание и поведение // Там же.
4. *Его же.* Наказание и меры воздействия // Там же.
5. *Его же.* О моем опыте // Там же.
6. *Его же.* Педагоги пожимают плечами // Там же.
7. *Его же.* Педагогическая логика // Там же.
8. *Его же.* Проблемы воспитания в советской школе // Там же.
9. *Его же.* Проблемы школьного советского воспитания: Лекции. Лекция вторая. Дисциплина, режим, наказания и поощрения // Там же.
10. *Его же.* Проблемы школьного советского воспитания: Лекции. Лекция четвертая. Трудовое воспитание. Отношения, стиль, тон в коллективе // Там же.
11. *Его же.* Стиль работы с коллективом // Там же.
12. *Его же.* Цель воспитания // Там же.

Б. Г. МАТЮНИН, О. Г. ГРЯЗНОВА (Свердловск)

ДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Проблема становления личности многообразна и сложна. Она вызывает необходимость тщательного изучения всех личностных черт. Особое место среди них занимает дисциплинированность, что объясняется обстоятельствами экономического, социального и культурного характера.

Дисциплинированная личность вносит неопределимый вклад в развитие материально-технической базы коммунизма. Дисциплинированность как определенное качество личности концентрирует в себе другие важнейшие свойства: ответственность, сознательность, активность. Наконец, можно сказать, что тот или иной уровень дисциплинированности является критерием культурного уровня личности, показателем развития ее духовного мира, коммуникативных способностей.

Проблема развития дисциплинированности приобретает особую значимость в отношении молодежи. От того, насколько ответственной станет современная молодежь, зависит степень реализации возможностей и преимуществ социализма. Одним